

**Журнал "Современные
записки"**

№ 01, 1920

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Ж92

Ж92 Журнал "Современные записки": № 01, 1920 / — М.: Книга по Требованию, 2021. — 338 с.

ISBN 978-5-458-66818-7

"Современные записки" — литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 гг. Задумывался как ежемесячное издание, но в реальности удавалось издавать не более 6 номеров в год, а с 1931 всего 2-3 номера в год. Тираж журнала составлял не более 2000 экземпляров. Как и другие эмигрантские издания, журнал «Современные записки» был запрещён в СССР. Тем не менее, сообщается, что номера журнала доставлялись в Кремль с дипломатической почтой. Кроме того, отдельные экземпляры ввозились на территорию СССР нелегально.

ISBN 978-5-458-66818-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отъ Редакціи.

Выпуская въ свѣтъ первую книжку «Современныхъ Записокъ», считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ относительно характера и задачъ возникающаго изданія.

«Современные Записки» посвящены прежде всего интересамъ русской культуры. Нашему журналу суждено выходить въ особо тяжкихъ для русской общественности условіяхъ: въ самой Россіи свободному, независимому слову нѣть мѣста, а здѣсь, на чужбинѣ, сосредоточено большое количество культурныхъ силъ, насильственно оторванныхъ отъ своего народа, отъ дѣйственного служенія ему. Это обстоятельство дѣлаетъ особенно отвѣтственнымъ положеніе единственного сейчасъ большого русскаго ежемѣсячника за границей. «Современные Записки» открываютъ поэтому широко свои страницы, — устранивъ вопросъ о принадлежности авторовъ къ той или иной политической группировкѣ, — для всего, что въ области ли художественного творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала представляетъ объективную цѣнность съ точки зрѣнія русской культуры. Редакція полагаетъ, что границы свободы сужденія авторовъ должны быть особенно широки теперь, когда нѣть ни одной идеологіи, которая не нуждалась бы въ критической пропрѣкѣ при свѣтѣ совершающихся грозныхъ міровыхъ событий.

Какъ журналъ общественно-политический, «Современные Записки», органъ виѣпартийный, намѣрены проводить ту демократическую программу, которая, какъ итогъ русскаго освободительного движенія XIX и начала XX вѣка, была провозглашена и воспринята народами Россіи въ мартовскіе дни 1917 г. Единство Россіи на основѣ федераціи входящихъ въ ея составъ народовъ; Учредительное Собраніе; республиканскій образъ правленія; гарантіи политическихъ и гражданскихъ свободъ; всеобщее избирательное право въ органы народнаго представительства и мѣстнаго самоуправленія;

передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его правъ въ промышленности, — таковы основные элементы программы, за которыми, по глубокому убѣженію Редакціи, продолжаетъ стоять подавляющее большинство населения Россіи.

Тяжкій опытъ истекшаго трехлѣтія способенъ лишь укрѣпить убѣженіе въ необходимости демократического обновленія Россіи. Не цѣль, но средства, ведущія къ ней, должны подвергнуться критическому пересмотру, послѣ того какъ, въ результатѣ большевистскаго переворота, на пути къ этому обновленію стали такія новыя препятствія, какъ государственный и хозяйственный распадъ, международная изоляція, рѣсть внутренней реакціи и пр.

Но здѣсь, въ краткомъ предисловіи, не могутъ быть разрѣшены тѣ жгучія проблемы, которая вытекаютъ изъ факта обособленія входившихъ прежде въ составъ Россіи народностей, существованія внутренняго антибольшевистскаго фронта, иноземной интервенціи и пр. Лаконическая и потому упрощенная формулы, въ отношеніи столь сложныхъ и больныхъ вопросовъ, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Редакція считаетъ необходимымъ установить здѣсь лишь основную свою точку зреянія: что возсозданіе Россіи не совмѣстимо съ существованіемъ большевистской власти; что оно возможно лишь въ мѣру самодѣятельности внутреннихъ силъ самого русскаго народа, и что разрѣшеніе этой задачи, непосильной ни для одной партіи или класса въ отдѣльности, требуетъ объединенныхъ усилий всѣхъ, искренне порвавшихъ со старымъ строемъ и ставшихъ на сторону общенародной революціи 1917 г.

„Современные Записки“ не стремятся стать боевымъ политическимъ органомъ, неизбѣжно заостряющимъ свои лозунги, и способнымъ поэтому объединить лишь тѣсную группу единомышленниковъ. Въ соответствіи съ выдвигаемой на первый планъ задачей общественного объединенія, „Современные Записки“ будутъ органомъ независимаго и непредвзятаго сужденія о всѣхъ явленіяхъ современности съ точки зреянія широкихъ, очерченныхъ выше, руководящихъ началъ.

Ноябрь 1920 г. Парижъ.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМЪ.

РОМАНЪ.

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!..
(Слово о полку Игоревъ)

*(Продолжение) *)*

XI.

Докторъ Дмитрій Степановичъ Булавинъ, отецъ Даши, сидѣлъ въ столовой около большого, помятаго и валившаго паромъ самовара и читалъ мѣстную газету — «Самарскій Листокъ». Когда напироза у него догорала до ваты, онъ бралъ изъ толсто набитаго портсигара новую, закуривалъ ее обѣ окурошкъ, кашлялъ, весь багровѣя, и почесывалъ подъ раскрытой рубашкой волосатую грудь. Крахмальная манишка и галстукъ лежали здѣсь же, на столѣ. Кудрявые, сѣдые волосы—не чесаны; читая, онъ прихлебывалъ съ блюдца жидкій чай и сыпалъ пепломъ на газету, на рубаху, на скатерть.

Когда за дверью послышался скрипъ кровати, затопали ноги и въ столовую вошла Даша, въ накинутомъ на рубашку бѣломъ халатикѣ, вся еще розовая и сонная, Дмитрій Степановичъ посмотрѣлъ на дочь поверхъ треснувшаго пенснѣ сѣрыми, холодными, какъ у Даши, насмѣшливыми глазами и подставилъ ей щеку. Даша поцѣловала его и сѣла напротивъ, пододвинувъ хлѣбъ и масло.

*) Начало романа гр. А. И. Толстого печаталось въ кн. 1 и 2 «Гридунией Россіи». Читатели, не имѣвшіе въ рукахъ этого журнала, найдутъ *въ приложеніи* перепечатку первыхъ главъ.

Ред.

— Опять вътеръ, вотъ скука, — сказалъ она. Дѣйствительно, второй день дулъ сильный, горячій вътеръ. Известковая пыль тучей висѣла надъ городомъ, заслоняя солнце. Густыя, колючія облака этой пыли порывами проносились вдоль улицъ, и было видно, какъ спиною къ нимъ поворачивались рѣдкіе прохожіе и морщились нестерпимо. Пыль проникала во всѣ щели, сквозь рамы оконъ, лежала на подоконникахъ тонкимъ слоемъ и хрюстѣла на зубахъ. Отъ вѣтра дрожали стекла и громыхала желѣзная крыша. При этомъ было жарко, душно и даже въ комнатахъ пахло улицей.

— Эпидемія глазныхъ заболѣваній. Недурно, — сказалъ Дмитрій Степановичъ. Даша не отвѣтила, только вздохнула. Отцу интересны эпидеміи и политика, а ей, о Господи, не все ли равно, сколько въ городѣ глазныхъ заболѣваній, если у нея самой все такъ не устроено и неопределенно.

Двѣ недѣли тому назадъ на сходняхъ парохода Даша простиась съ Тельгинимъ, проводившимъ ее, въ концѣ концовъ, до Самары, и съ тѣхъ поръ она безъ дѣла живетъ у отца въ этой новой, ей незнакомой, пустой квартирѣ, где въ залѣ стоять еще съ зимы нераспечатанные ящики съ книгами, до сихъ поръ не повышены занавѣси, ничего нельзѧ найти, никуда нельзя приткнуться, какъ на постояломъ дворѣ.

Помѣшивая чай въ стаканѣ, Даша съ тоской глядѣла, какъ за окномъ летятъ снизу вверхъ клубы сѣрой пыли. Ей казалось, что вотъ — прошли два года, какъ сонъ, и она опять дома, а отъ всѣхъ надеждъ, волненій, людской лестроты, — отъ шумнаго Петербурга, — остались только вотъ эти пыльные облака.

— Эрцгерцога убили, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, переворачивая страницу.

— Какого?

— То-есть, какъ какого? Австрійскаго эрцгерцога убили въ Сараевѣ.

— Онъ былъ молодой?

— Не знаю. Налей-ка еще стаканъ.

Дмитрій Степановичъ бросилъ въ ротъ маленький кусочекъ сахару, — онъ пилъ всегда въ прикуску, — и насмѣшливо оглядѣлъ Дашу, стоявшую передъ самоваромъ:

— Скажи на милость — Екатерина окончательно разошлась съ мужемъ? Я что-то не совсѣмъ понимаю.

— Я же тебѣ разсказывала, папа.

— Ну, ну...

И онъ опять принялся за газету. Даши подошла къ окну. Какое уныніе. И она вспомнила бѣлый пароходъ и, главное, солнце повсюду, — синее небо, рѣка, чистая палуба, и все, все полно солнцемъ, влагой и свѣжестью. Тогда казалось, что этасть сияющій путь — широкая, медленно извижающаяся рѣка — вѣдеть къ счастью: этасть просторъ воды и пароходъ «Федоръ Достоевскій», вмѣстѣ съ Дашей и Телѣгинымъ, волются, войдутъ въ синее, безъ береговъ, море свѣта и радости — счастье.

И Даши не торопилась, хотя знала, что переживалъ Тельгингъ и ничего не имѣла противъ этого переживанія. Но къ чему было спѣшить, когда каждая минута этого пути и безъ того хороша, и все равно же приплывутъ къ счастью.

Иванъ Ильичъ очень страдалъ. Подъѣзжая къ Самарѣ, онъ осунулся, пересталь щутить и все что-то путать. Даши думала, — плывемъ къ счастью, и чувствовала на себѣ его взглядъ, такой, точно сильного, веселаго человѣка переѣхали колесами. Ей было жалко его, и была признательна и нѣжна, но что она могла подѣлать, какъ допустить его до себя, хотя бы немножко, если тогда, — она это понимала, — сразу начнется то, что должно быть въ концѣ пути. Они не доплынутъ до счастья, а на полѣ дорогъ нетерпѣливо и неумно разворуютъ его. Поэтому она была нѣжна съ Иваномъ Ильичемъ, какъ сестра, и только. Ему же казалось, что онъ чудовищно оскорбитъ Дашу, если хоть словомъ намекнетъ на то, изъ-за чего не спалъ уже четвертую ночь и чувствовалъ себя въ томъ особомъ, на половину призрачномъ, мірѣ, гдѣ все внѣшнее скользило мимо, какъ тѣни въ голубоватомъ туманѣ, гдѣ грозно и тревожно горѣли сѣрые глаза Даши, гдѣ дѣйствительностью были лишь запахи, свѣтъ солнца и неперестающая боль въ сердцѣ.

Въ Самарѣ Иванъ Ильичъ пересѣлъ на другой пароходъ и уѣхалъ обратно. А Дашино сияющее море, куда она такъ спокойно плыла, исчезло, разсыпалось, поднялось клубами пыли за дребезжащими стеклами.

— А зададутъ австріяки трепку этимъ самымъ сербамъ, — сказалъ Дмитрій Степановичъ, снялъ съ носа пенснѣ и бросилъ

его на газету. — Ну, а ты что думаешь о славянскомъ вопросѣ, кошка?

— Обѣдать, папа, ты пріѣдешь? — проговорила Даша, возвращаясь къ столу.

— Ни подъ какимъ видомъ. У меня скарлатина-съ на Постниковой дачѣ.

— Въ эту пыль Ѹхать на дачу — съ ума надо сойти.

Дмитрій Степановичъ, не спѣша, надѣлъ манишку, застегнуль чесучевый пиджакъ, осмотрѣль по карманамъ — все ли на мѣстахъ, и сломаннымъ гребешкомъ началъ начесывать на лобъ сѣдые волосы.

— Ну, такъ какъ же, все-таки, насчетъ славянскаго вопроса, кошка?

— Ей Богу, не знаю. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пристаешь ко мнѣ.

— А я кое-какое имѣю свое собственное мнѣніе, Дарья Дмитріевна, — ему, видимо, очень не хотѣлось Ѹхать на дачу, да и вообще Дмитрій Степановичъ любилъ поговорить утромъ, за самоваромъ, о политикѣ: — славянскій вопросъ, — ты слушаешь меня, — славянскій вопросъ — это гвоздь міровой политики. На этомъ много народа сломаетъ себѣ шею. Вотъ почему мѣсто происхожденія славянъ, Балканы, ни что иное, какъ европейскій апендицитъ. Въ чемъ же дѣло? — ты хочешь меня спросить. Изволь. — И онъ сталъ загибать толстые пальцы. — Первое, славянъ — болѣе двухсотъ миллионовъ, и они плодятся, какъ кролики. Второе, — славянамъ удалось создать такое мощное военное государство, какъ Россійская Имперія. Третье, — мелкія славянскія группы, несмотря на ассимиляцію, организуются въ самостоятельные единицы и тяготѣютъ къ такъ называемому всеславянскому союзу. Четвертое, — самое главное, — славяне представляютъ изъ себя морально совершенно новый и въ нѣкоторомъ смыслѣ чрезвычайно опасный для европейской цивилизаціи типъ — богоискателя. И богоискательство, — ты слушаешь меня, кошка? — есть отрицаніе и разрушеніе всей современной цивилизаціи. Я ишу Бога, то-есть — правды въ самомъ себѣ. Для этого я долженъ быть свободенъ, и я разрушаю моральные устои, подъ которыми я погребенъ, разрушаю государство, которое держитъ меня на цѣпи, и я спрашиваю — почему нельзя лгать? нельзя красть? нельзя убивать? Отвѣчай,

почему? Ты думаешь, что правда лежитъ только въ добрѣ? А я нарочно пойду и убью, чтобы переступить черезъ самое тяжкое — совѣсть, и въ отчаяніи найти правду.

— Папочка, поѣзжай на дачу, — сказала Даша уныло.

— Нѣть, ищи правду тамъ, — Дмитрій Степановичъ потыкалъ пальцемъ, словно указывая на подполье, но вдругъ замолчалъ и обернулся къ двери. Въ прихожей трещалъ звонокъ.

— Даша, поди, отвори.

— Не могу, я раздѣта.

— Матрена! — закричалъ Дмитрій Степановичъ, — ахъ, баба проклятая, оторву ей голову, какъ-нибудь. — И самъ пошелъ отворять парадное, и сейчасъ же вернулся, держа въ руки письмо.

— Отъ Катюшки, — сказалъ онъ, — подожди, не хватай изъ рукъ, я сначала доскажу... Такъ вотъ, — богоискательство, прежде всего, начинаетъ съ разрушенія, и этотъ періодъ очень опасенъ и заразителенъ. Какъ разъ этотъ моментъ болѣзни Россія сейчасъ и переживает.... Все развалилось къ чорту, — понимаешь, кошка? Попробуй, выйди вечеромъ на главную улицу—только и слышно орутъ: «Карауулъ». По улицѣ шатаются горчишники (слободскіе ребята и фабричные), никому не даютъ прохода, озорство такое, что полиція съ ногъ сбилась. Эти ребята—безо всякихъ признаковъ морали—хулиганы, мерзавцы, горчишники — богоискатели. Поняла? Сегодня они озоруютъ на главной улицѣ, завтра начнутъ озоровать во всемъ государствѣ Россійскомъ. Безобразничать во имя разрушенія, и только. Никакой другой сознательной цѣли у нихъ нѣть. А въ цѣломъ народъ переживаетъ первый фазисъ богоискательства — разрушеніе основъ.

Дмтрій Степановичъ засопѣлъ, закуривая папиросу. Даша вытащила у него катино письмо и ушла къ себѣ. Онъ же некоторое время еще что-то доказывать, ходить, хлопая дверьми, по большой, на половину пустой, пыльной квартирѣ съ крашенными полами, затѣмъ уѣхалъ на дачу.

«Данюша, милая, — писала Катя, — до сихъ поръ ничего не знаю ни о тебѣ, ни о Николаѣ. Я живу въ Парижѣ. Здѣсь сезонъ въ разгарѣ. Носятъ очень узкія внизу платья, въ модѣ — шифонъ. Куда пойду въ конецъ іюня — еще не знаю. Парижъ очень красивъ. И всѣ рѣшительно, — вотъ бы тебѣ посмо-

треть, — весь Парижъ танцуетъ танго. За завтракомъ, между блюдъ — встаютъ и танцуютъ, и въ пять часовъ, и за обѣдомъ, и такъ до утра. Я никуда не могу укрыться отъ этой музыки, она какая-то печальная, мучительная и сладкая. Мнѣ все кажется, что хороню молодость, что-то невозвратное, когда гляжу на этихъ женщинъ съ глубокими вырѣзами платьевъ, съ глазами, подведенными синимъ, и на ихъ кавалеровъ, до того изящныхъ, что, право, страшно иногда и грустно. Въ общемъ, у меня тоска. Все думается, что кто-то долженъ умереть. Очень боюсь за папу. Онъ вѣдь совсѣмъ не молодъ. Здѣсь полно русскими, все наши знакомые; каждый день собираемся гдѣ-нибудь, — точно и не уѣзжала изъ Петербурга. Кстати, здѣсь мнѣ рассказали о Николаѣ, что онъ былъ близокъ, будто-бы, съ одной женщиной. Она — вдова, у нея двое дѣтей и третій маленький. Понимаешь? Мнѣ было очень больно винчаться. А потомъ, почему-то, стало ужасно жалко этого маленькаго... Онъ-то въ чемъ виноватъ?.. Ахъ, Данюша, иногда мнѣ хочется имѣть ребенка. Но вѣдь это можно только отъ любимаго человѣка. Выйдешь замужъ — рожай, слышишь, дѣвочка»...

Даша прочла письмо нѣсколько разъ, прослезилась, въ особенности надъ этимъ, ни въ чемъ неповинномъ, ребеночкомъ, и сѣла писать отвѣтъ; прописала его до обѣда; обѣдала одна, — такъ, только пощипала что-то, — затѣмъ пошла въ кабинетъ и начала рыться въ старыхъ журналахъ, отыскала длиннѣйший романъ подъ заглавіемъ «Она простила», легла на диванъ посреди разбросанныхъ книгъ и читала до вечера. Наконецъ, прѣѣхалъ отецъ, запыленный и усталый; сѣли ужинать, и онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ: «угу»; Даша вывѣдала, — оказывается, скарлатинный больной, мальчикъ трехъ лѣтъ у секретаря управы — умеръ. Дмитрій Степановичъ, сообщивъ это, засопѣлъ, спряталъ пенснѣ въ футляръ и ушелъ спать. Даша легла въ постель, закрылась съ головой простыней и всласть наплакалась о разныхъ грустныхъ вещахъ.

Прошло два дня. Пыльная буря кончилась грозой и ливнемъ, барабанившимъ по крышѣ всю ночь, и утро воскресеняя настало тихое и влажное — вымытое.

Утромъ, какъ Дашѣ встать, зашелъ къ ней старый знакомый, Семенъ Семеновичъ Говядинъ, земскій статистикъ — худой

и сутулый, всегда блѣдный мужчина, съ русой бородой и зачесанными за уши волосами. Отъ него пахло сметаной; онъ отвергалъ вино, табакъ и мясо, и былъ на счету у полиції. Здороваясь съ Дащей, онъ сказалъ, безо всякой причины, насмѣшилымъ голосомъ :

— Я за вами, женщина. Ёдемъ за Волгу.

Даша подумала : — «Итакъ, все кончилось земскимъ статистикомъ Говядинымъ», — взяла бѣлый зонтикъ и пошла за Семеномъ Семеновичемъ внизъ, къ Волгѣ, къ пристанямъ, гдѣ стояли лодки.

Между длинныхъ, досчатыхъ бараковъ съ хлѣбомъ, бунтовъ лѣса и цѣлыхъ горь изъ тюковъ съ шерстью и хлопкомъ бродили грузчики и крючники, широкоплечіе, широкогрудые мужики и парни, босые, безъ шапокъ, съ голыми шеями. Иные играли въ орлянку, иные спали на мѣшкахъ и доскахъ; вдалекъ человѣкъ тридцать съ ящиками на плечахъ сбѣгали по зыбкимъ сходнямъ. Между телѣгъ стоялъ пьяный человѣкъ, весь въ грязи и пыли, съ окровавленной щекой, и, придерживая обѣими руками штаны, ругался лѣниво и матерно.

— Этотъ элементъ не знаетъ ни праздниковъ, ни отдыха,— наставительно замѣтилъ Семенъ Семеновичъ, — а вотъ мы съ вами, умные и интеллигентные люди, Ёдемъ въ это время праздно любоваться природой. Причина несправедливости лежитъ въ самомъ соціальномъ строѣ.

И онъ, проговоривъ : — «простите, пожалуйста», — перешагнулъ черезъ огромныхъ, босыя ноги грудастаго и губастаго парня, лежащаго навзничъ; другой сидѣлъ на бревнѣ и жевалъ французскую булку. Даша слышала, какъ лежащій сказалъ ей вслѣдъ :

— Филиппъ, вотъ бы намъ такую.

И другой отвѣтилъ лѣниво набитымъ ртомъ :

— Чиста очень. Возни много.

— Ну, я навалюсь, — не повозится.

По гладкой, болѣе версты шириной, желтоватой рѣкѣ, въ зыбкихъ и длинныхъ солнечныхъ отсвѣтахъ двигались темные силуэты лодочекъ, направляясь къ дальнему песчаному берегу. Одну изъ такихъ лодокъ нанялъ Говядинъ; попросилъ Дашу править рулемъ, самъ сѣлъ на весла и сталъ выгребать противъ теченія. Скоро на блѣдномъ лицѣ у него выступилъ потъ.

— Спорть — великая вещь, — сказал Семен Семенович и принялся стаскивать я себя пиджакъ, стыдливо отстягнуль помочи и сунулъ ихъ подъ нось лодки. У него были худыя, съ длинными рѣдкими волосами, слабыя руки, какъ червяки, двигающіяся въ гутаперчевыхъ манжетахъ. Даша раскрыла зонть и, прищурясь, глядѣла на воду.

— Простите за нескромный вопросъ, Дарья Дмитріевна, — въ городѣ поговаривають, что вы выходите замужъ. Правда это?

— Нѣтъ, не правда.

Тогда онъ широко ухмыльнулся, что было неожиданно для его интеллигентнаго, озабоченнаго лица, и жиценькимъ голоскомъ попробовалъ было запѣть: «Эхъ, да внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», — но поперхнулся, застыдился, и со всей, что было у него, силы ударили въ весла.

Навстрѣчу проплыла лодка, полная народомъ. Три мѣщанки въ зеленыхъ и пунцовыихъ шерстяныхъ платьяхъ грызли сѣмечки и плевали щелухой себѣ на колѣни. Напротивъ сидѣлъ совершенно пьяный горчишникъ, кудрявый, съ чериными усиками, закатывалъ, точно умирая, глаза и игралъ польку на гармоникѣ. Другойшибко гребъ, раскачивая лодку, третій, взмахнувъ кормовымъ весломъ, закричалъ Семену Семеновичу:

— Сворачивай съ дороги, шляпа, тудыть твою въ душу. — И они съ крикомъ и руганью проплыли совсѣмъ близко, едва не столкнулись.

Наконецъ, лодка съ широкомъ скользнула по песчаному дну. Даша выпрыгнула на берегъ. Семен Семенович опять надѣлъ помочи и пиджакъ.

— Хотя я городской житель, но искренно люблю природу, — сказал онъ, прищурясь, — особенно, когда ее дополняетъ фигура дѣвушки, въ этомъ я нахожу что-то тургеневское. Пойдемте къ лѣсу.

И они побредли по горячemu песку, увязая въ немъ по щиколотку. Говядинъ поминутно останавливался, вытирая платкомъ лицо и говорилъ:

— Нѣтъ, вы взгляните, что за очаровательный уголокъ!

Наконецъ, песокъ кончился, пришлось взобраться на небольшой обрывъ, откуда начинались луга съ кое-гдѣ уже склонной травой, вянущей въ рядахъ. Здѣсь горячо пахло медовыми цветами. По берегу узкаго оврага, полнаго воды,